

– ...Не сомневаюсь, что маниакально-депрессивная проблематика раскрыта у вас достаточно глубоко, да и написано весьма живо. – Мура Аполлоновна Свирипеева задумалась над стопкой бумаг. – И заразительно. Весьма. Так, есть кое-какие замечания к истерии и шизофрении. Не понравилось мне другое... Что же мне не понравилось? Ага, вот. Почему у вас не пронумерованы страницы? Вы должны самое серьезное внимание уделить внешнему виду вашей работы. Это ваше лицо!

«Я постоянно кому-то что-то должен, – мрачно думал Вадик Тараканов. – Когда это прекратится?»

Он с ненавистью взглянул на шевелящийся рот научной руководительницы.

– Вы меня слушаете? Что это вас так перекосило? Я говорю, что вы должны к завтрашнему дню пронумеровать страницы, перенести мои исправления – только аккуратно! – во второй экземпляр и оформить титульный лист. Титул – это ваше лицо! Сейчас покажу, как его нужно оформить...

Она порылась в столе и достала пыльную папку, заботливо перевязанную розовой ленточкой.

– Это работа моего давнишнего ученика, – не без гордости произнесла Мура Аполлоновна. – Жертвую ее вам в качестве образца.

Вадик взглянул на титул. «Практическое внедрение теории многократных манипуляций в сельском

хозяйстве». Лицо у этих «манипуляций» было идеальное: видно, ископаемый автор едва ли не языком вылизывал свой диплом. «Где-то он сейчас, уважаемый коллега... – Вадик опять взглянул на титул. – Коллега Мухрышкин Спиридон? Хотя ясно, что далеко пошел».

– Да! И не забудьте приготовить речь – вступительную и заключительную, – добавила Свирипеева. – Во вступлении скажете: «Уважаемая комиссия, уважаемый председатель, уважаемый оппонент, ува... жу-жу-жу, это понятно, на ваш суд представляется работа... жу-жу-жу-жу... раскрывающая некоторые проблемы... жу-жу-жу... состоящая из... жу-жу...

Убаюканный ее жужжанием, Вадик размышлял о том, что Мура вполне могла бы претендовать на звание чемпиона мира по боксу в тяжелом весе. Мощный торс, квадратная челюсть, здоровенные кулаки – не хотел бы он попасть под такой кулак! – но главное, это крутой нрав. Под стать фамилии.

– ...А в заключение скажете то же самое, только наоборот: мол, спасибо, дорогая комиссия, рад был познакомиться, дорогая комиссия, не поминайте лихом... Все запомнили? Ровно в двадцать два ноль-ноль позвоните мне и отчитайтесь, как выполнили мои указания. Господи! Завтра защита, а у него диплом не готов...

– Что будем делать с оппонентом? – спросил Вадик.

– Я вам нашла прекрасного оппонента, – Мура Аполлоновна доверительно понизила голос, – который согласился вам помочь исключительно из симпатии ко мне. Завтра ровно в одиннадцать ноль-ноль, то есть за час до защиты – не перепутайте! – прямо на этой кафедре вас будет ждать Рэм Григорьевич Оловянный. Отдадите для ознакомления оба экземпляра, а я приеду через час... Он положил оба диплома – образцовый и свой – в дипломат и поднялся.

– Вадик! – Она вдруг воскликнула с чувством. – Родной. Не подведите меня... Нам с вами нужна только пятерка!

Он изобразил на лице задушевную, лучезарную улыбку.

– Ну что вы! Положитесь на меня – все будет просто великолепно!

«Надо же было пять лет учиться журналистике, чтобы потом писать о разных шизофренических... манипуляциях», – думал он, уходя с кафедры. И угрозило же его распределиться в «Психиатрические известия»!

По правде сказать, интерес к психологии у него возник еще на третьем курсе, после того как впервые обнаружился острый антагонизм в его отношениях с окружающими. Антагонизм этот выражался в том, что последние неприкрыто проявляли к нему любовь и восхищались его незаурядными способностями, в то время как он считал всех подонками и кретинами. Такое несходство взглядов не поддавалось никаким компромиссам и консенсусам, так как любое смягчение позиции приводило его к выводу, что он сам – подонок и кретин. Что было совсем уж неправдоподобно.

Из сортира наперерез ему выскочил пожизненно удовлетворенный Кукушкин.

– Тараканов! – воскликнул он. – Я тебя везде ищу. Ты выдвинут в оргкомитет по проведению выпускного бала. Будешь главным камердинером... тьфу, церемониймейстером!

– А можно виночерпием? – сострил Вадик.

– Ха-ха! Шутник. Понимаешь, нужны люди, умеющие внести освежающую, неформальную струю. Будешь отвечать за незаорганизованность мероприятия. Может, хохму какую-нибудь расскажешь...

Сколько Вадик помнил, Кукушкин вечно заседал в президиумах, выступал на собраниях, гнул линию, давал отпор и желал успехов. Начав со старости курса, он последовательно становился комсоргом, парторгом и еще каким-то студкомом, пока его карьера не дала легкий крен, сделав ненадолго

председателем Общества друзей А. Ахматовой, после чего он возглавил Движение за проведение студреформ. На всех этапах и изломах судьбы он неизменно благоволил Тараканову, то привлекая его в «Студколочку», то поручая сбор донорской крови, и даже пытался однажды назначить «совестью курса».

– Вообще, старик, я тебя не понимаю: ходишь как в воду опущенный, когда кругом такие дела творятся! Ну-ка, встряхнись... Мне как раз позарез нужен человек, способный зачесть народ, повести за собой... в светлое капиталистическое завтра, ха-ха. Фирму открываем...

«Чего им всем от меня нужно? – думал Вадик. – Вот еще один».

Он поднялся на третий этаж, где бабулька Колокольчикова собиралась принимать зачет по зарубежной литературе.

Ее уже окружала толпа хвостистов: все торопились получить допуск в учебной части к защите диплома. Вадик энергично протиснулся в передние ряды и там услышал, как кто-то из знакомых шепнул другому: «Будет спрашивать реферат, отвечай – сдал Губельману».

Согласно факультетской легенде, дворянские предки Колокольчиковой вели родословную чуть ли не от Рюрика, и все до одного, говорят, просто балдели от зарубежной литературы. Сейчас перед ней сидел амбал с лицом дегенерата и изливался в любви к античной поэзии.

– Лгуни-иска... – Ее глаза потеплели. – Негодный шалун. Вы все знаете мою слабость. Ладно, что же вас так зацепило за живое у Гомера?

Она произнесла – «Гомэра». Амбал вытер пот на лбу и начал, закатив глаза:

– Ну, это... Как Одиссей приехал на остров...

– Так, так. – Колокольчикова мечтательно зажмурилась, словно грезилась наяву этим солнечным берегом в Эгейском море, с его античными героями и чудовищами.

– Потом полез в пещеру...

– Ну же, продолжайте! Прошу вас!

– ...И выбил глаз Цицерону.

Старушка окаменела.

– Кому-кому, вы сказали?

Тот решил уйти в несознанку.

– Цицерону!

Бабуля чуть не упала в обморок. Ее оскорбили в лучших чувствах. Большого надругательства невозможно было придумать. Эти идиоты доведут до инфаркта...

– Позор! – громко сказал Вадик. – На пятом курсе не отличить циклопа от Цицерона!

Колокольчикова уставилась на него.

– Вашу зачетку.

Вадик торопливо выхватил из кармана зачетку и занял место амбала.

– Читали что-нибудь?

– А как же.

– Что слышно о Фильдинге?

– «Том Джонс – подкидывш».

– Найденыш... Как насчет Лопе де Вега?

– «Фуэнте охуэна».

– «...овехуна». Быстро, без подсказки – что у Фауста было с Маргаритой?

Вадик на мгновение перефокусировал взгляд ей за спину, где отличница Маша Птицына делала ему жест.

– Он ее... это...

– Что?

– Ну, того...

– Кого?

– Трахнул.

– Так и знала... Где ваш реферат?

– У Губельмана.

– Зачет.

Он схватил зачетку и уступил место очередному бездельнику. Уже за дверью услышал, как взорвалась Колокольчикова:

– Кто, черт побери, скажет мне наконец, кто такой Губельман?!

Когда он вышел во двор, его окликнули:

– Таракан!

У памятника стояли и махали ему две долговязые фигуры – Моталкин и Бутылкин, по прозвищу Розенкранц и Гильденстерн. Подобно двум шекспировским персонажам, они были неразлучны даже в сортире, и если вы встречали одного где-нибудь в курилке, во дворе или в пивняке, то можно было не сомневаться, что второй вот-вот вынырнет из какого-нибудь темного угла.

Вадик подошел к памятнику.

– А кстати, слышали про такого Губельмана? – спросил он.

– Знавал я одного Губельмана, – задумчиво произнес Бутылкин. – Выгнали в прошлом году с пятого курса, за пьянку. А что?

– Ничего... Я ему реферат сдал.

– Твой реферат в надежных руках.

Вадик вкратце рассказал историю с Губельманом.

– Это что! – сказал Моталкин. – Ты еще не слышал, как я Ейцову вчера философию сдавал? Сидим, значит, в аудитории, ждем его, ждем. Через три часа пошли звонить. Он снимает трубку и гово-

рит: «Так и так, у меня запой, жена ушла на работу и заперла на ключ. Хотите, приезжайте, приму экзамен через дверь». Заваливаем к нему в подъезд, а он кричит: «Начинаю экзамен – троечники есть?» Рев голосов. «Зачетки под дверь!» Через минуту наши зачетки выскакивают назад, как с конвейера. «Хорошисты есть?» Таким же манером. Наконец: «Отличники найдутся?» Нашлась пара психов. «Все свободны, – кричит он. – А отличников попрошу спуститься во двор – посмотрю с балкона на ваши наглые рожи...»

«Чего он так веселится? Отчего он вечно так доволен собой?» – думал Вадик, глядя в его холеное, смазливое лицо. Когда-то давно, на первом курсе, Моталкин ходил в больших друзьях у Оли Шестиковой. Вадик не знал, в насколько больших, но он постоянно видел их вместе, даже на лекциях, и этого было достаточно. Достаточно того, что она позволяла такому кретину развлекать себя.

– На пиво идешь? – спросил Моталкин.

Гм, пиво. Волшебный напиток. Первая кружка идет тяжеловато... Немножечко горьковато. По правде, довольно гнусовато, особенно этот стиральный порошок, собирающийся на поверхности в виде пены. От этого момента нужно отвлечься, например, завязать разговор о политике. Вторая кружка терпимей. Она вызывает какую-то деловитость: ты еще не пьян, но уже полагаешь, что занят серьезным делом. На третьей кружке язык чувствует терпкость напитка, его ядреность, которой вначале не замечал. На четвертой разговор приобретает динамизм и остроту, наступают свободные переходы от одной темы к другой. И только после пятой и шестой можно объективно оценить все достоинства этого пойла: его сладость, его душистость, его свежесть и родниковую прозрачность...

– С ума сошел? У меня завтра диплом.

– По три кружечки. Мне завтра тоже надо быть в форме: меня ждут в МИДе на собеседование.

С каким важным видом он это всегда произносит: МИД, собеседование, «милашка Бурбулис», «мне о них кое-что известно»... Будто не его папочка или мамочка, работающие бог знает где, пристроили своего сыночка в этот сраный МИД каким-то сраным референтом.

– По три кружечки, – поддержал Бутылкин. – Я завтра тоже начинаю новую жизнь. Пора кончать с этим разгильдяйством, приниматься за дело...

Ну, не кретины? Хотя не подонки, но кретины уж точно. И его за кретина принимают.

– Вам известно, что мое слово твердо, – сказал Вадик. – Вам также известно, что мне известно,

что значит «гулять» и что значит «работать». И потом, всем известны ваши «три кружечки»...

– Здесь главное – вовремя остановиться, – разглагольствовал Моталкин, вытирая залитый стол газетой и расставляя кружки. – Либо у тебя есть сила воли и ты, выпив норму, с достоинством удаляешься по своим делам, либо ее у тебя нет, и тогда ты, как свинтус, остаешься лежать мордой в салате. То есть ты, зрелый и независимый человек, бросаешь вызов судьбе. Конечно, тут можно крупно проиграться. Но разве настоящего мужчину не захватывает больше сам процесс игры, нежели ее результат?.. Суки, да что ж они порошка столько сыплют!..

Услышав слова «настоящий мужчина», Вадик возненавидел его еще больше. Для этого были причины: два года возвышенной и безрезультатной любви к Олечке Шестиковой привели его к подозрению, что он ненастоящий мужчина. Это вызвало разрушительной силы взрыв в его мозгу, а также интерес к психоанализу. Особенно занимал Вадика вопрос: отчего это в жизни все так отлично получается именно у таких кретинов, как Моталкин?

– А у тебя, Таракан, есть воля? – спросил Моталкин.

«Есть ли у меня воля?» – подумал Вадик. У него железная воля. Он волочит ее за собой как кандалы, с грохотом и лязгом, в то время как другие скользят по жизни легко и бесшумно. Когда он дал себе зарок больше никогда не встречаться с Ольгой (это случилось сразу после того достопамятного взрыва), он с горечью понял, что его железная воля никогда не позволит ему нарушить обет. Это вносило трагический оттенок в его жизнь. Однако здесь его воля сыграла над ним злую шутку: ангельский лик этого демона в юбке, вместо того чтобы вежливо испариться из его памяти, стал преследовать его во сне, наяву и в галлюцинациях, превратив высокую трагедию в фарс. Сейчас Вадик чувствовал, что уподобился застрявшему на орбите искусственному спутнику Земли, у которого не хватает пороха вернуться к месту старта, но и в космос улететь тоже слабо.

– Знаешь, я тебе ужасно завидую, Таракан, – сказал Моталкин, когда его напарник ушел к автоматам за новой дозой. – У тебя ведь все просто в жизни. Не то что у меня. Знаешь, мне иногда кажется, что кое-кто меня недолюбливает...

«Если б ты знал, как я тебя ненавижу, козел!» – едва не вырвалось у Вадика.

– Я понимаю, что это все ущербные, завистливые ублюдки, маньяки, которых бесит, что у меня при-

личные родители, что меня любят женщины, что у меня куча связей и нет проблем с работой... Ты скажешь: сложи на них член и забудь... Спасибо, Толян, твоё здоровье, Таракаша... Но за что? Что я им сделал? Ведь я, в сущности, безобиднейший парень, можно сказать, агнец божий...

«Все бараны в детстве были агнцами!» – вскричал про себя Вадик.

– И знаешь, Таракан, ты единственный стоящий человек среди этого сброда. Ты да Толян. В тебе нет зависти и подлости, нет этих камней за пазухой. И я рад, что ты тут и пьешь пиво с нами... Дай обниму тебя за это! Ты свой в доску!

«Еще бы, для вас нет большего кайфа, чем заполнить меня в свою компанию, – думал Вадик, с отвращением позволяя ему прижиматься к своей щеке. Ему не понравилось замечание об ущербных ублюдках. – Подонки тащат в свою подонскую компанию, кретины – в кретинскую. Какое счастье – везде быть своим!»

– И все же я до конца не могу тебя раскусить. Ты не похож на всех нас. У тебя всегда такой вид, будто решаешь какую-то головоломку: мысли по лицу так и скачут галопом. Ты даже пиво пьешь как-то задумчиво, вот как теперь. Почему ты не рассказываешь друзьям о своих делах, о своих проблемах?

Что тут рассказывать? О том, как барахтаешься в трясине? Полгода назад, начитавшись Ницше, Фрейда и Фромма, написал заметку в «Психиатрические известия». Главного героя, правду сказать, списал с самого себя. Заметку обругали, но взамен предложили написать о тяжелых условиях работы медперсонала в дурдомах. С тех пор помаленечку тянул ляжку в этой «подтирашке», памятуя о предстоящем распределении. И, быть может, будет тянуть всю жизнь, воспевая целительный эффект холодного душа и смиренных рубашек. Если только, конечно, не удивит мир каким-нибудь великим открытием, не создаст чего-то замечательно глубокого и правдивого...

Кстати, завтра у него будет такой шанс. Глотая пиво, он начал думать о своей дипломной работе. В ней он попытался собрать в кучу все свои мысли, мучившие его в последнее время, жизненные наблюдения, которые не терпелось довести до сведения всех живущих. Быть может, завтра судьба готовит день его триумфа...

– Твоя очередь брать пиво, – сказал Бутылкин.

Вадик пошарил в карманах и собрал кружки.

Когда он вернулся, оба кореша вальяжно затягивались сигаретами и строили друг другу дурацкие гримасы.

– Хрен тебя знает, Таракан, – продолжал Моталкин, словно и не прерывал разговор, – может, ты еще перевернешь мир какой-нибудь классной феней или примочкой, сочинишь комедию или там анекдот... Вот обхохочемся! В общем, я верю в тебя. Вот мы с Толяном – пьянчуги и пустомели – уж точно никому не нужны...

Не скажешь, чтобы он был полный кретин. В конце концов, кретины тоже заслуживают внимания и анализа, возможно, даже сочувствия... Если ты, конечно, профессионал. То есть это означает – относиться к патологическим субъектам как к рабочему материалу, как к подопытным кроликам, собакам, крысам, свиньям, козлам, дятлам, скотам несчастным... Как к несчастным тварям, которые нуждаются в твоей помощи. И еще. Если ты профессионал, то придется признать, что в твоих отношениях с этим типом слишком большую роль играет эта история с Ольгой. Это не делает чести. Не надо выставлять себя мазохистствующим неврастеником, пора стать взрослым человеком и постараться найти в нем тоже что-нибудь... человеческое.

– Вот тогда я и понял, что я конченный кретин! – разорялся Моталкин. – Дебил! Урод паршивый! Я пошел к папочке с мамочкой и спросил: «Что ж вы, дорогие мои, сыночка себе таким уродом вырастили? Лучше б я родился таракана... тьфу, то есть, допустим, сороконожкой, и думал бы всю жизнь о чем-нибудь умном, как Вадик Тараканов, чем так мучиться...»

В принципе, и с такими тоже можно найти взаимопонимание. Он пытается казаться искренним. В сущности, нормальный парнишка, не слишком умный, конечно, но такие как раз нравятся женщинам... Черт, дались эти женщины!

Пиво, кстати, сегодня было не самое плохое. Нормальное, в сущности, пиво. Он так и сообщил об этом во всеуслышание (пожалуй, даже слишком громко, потому что за оживленными соседними столиками воцарилась гробовая тишина, а какой-то синяк из дальних рядов горячо отсалютовал ему кружкой). Приятели его тоже поддержали.

– Просто замечательное пиво. Я рад, Таракан, что ты разбираешься.

– Редкое по своим вкусовым и витаминным качествам, – добавил Бутылкин.

– Я вам так скажу, мужики, – вмешался какой-то старикан подозрительного вида, ошивавшийся рядом. – Такого пива я уже не пил... вот не совру, по совести скажу... я всегда с людьми по совести, потому и они со мной по совести, всегда, да...

так вот, лет двадцать я не пил такого пива!.. На кружечку скинетесь, а?..

– Уйди, мужик, по-хорошему прошу, – процедил Бутылкин. – Ты меня еще вчера достал, попрошайка.

Про три кружечки уже никто не вспоминал. Под конец, кажется, после седьмой или восьмой кружки, Вадик совсем расчувствовался и даже пытался достать свой диплом и зачитать вслух пару особо ударных страниц, но Моталкин торжественно прервал:

– Старина, чтоб наша дружба сияла в веках, предлагаю нам всем вместе...

– Выпить на брудершафт, – подсказал Вадик, замахнувшись кружкой.

– Нет! Снять баб!..

«При чем тут бабы?» – подумал он. Дались ему эти бабы.

– Берем телок, идем к тебе на хату и устраиваем оргию, – сказал Моталкин.

Начиная с первого курса Вадик работал дворником в ДЭЗе, рядом с факультетом, и законно пользовался комнатой в дряхлом трущобном доме, населенном такими же закоренелыми дворниками. Вот уже год, как он перестал выходить на работу, но выселить его все никак не удавалось, так как он счастливо избегал встреч с начальником ДЭЗа.

– Я пас, – ответил он. – У меня кое-какие планы на сегодняшний вечер.

– Хорошо. – Моталкин сделал задумчивое лицо. – Тогда так: мы с Толяном снимаем баб, а ты – чтоб наша дружба сияла в веках – ведешь нас к себе на хату. А сам едешь к мамочке в Перловку...

«Эх, и набил бы я тебе морду, скотина!» – мысленно заорал Вадик. Дружба, сияющая в веках, – аргумент железный и поэтому подлый. Как он это умеет, мерзавец...

Моталкин быстро исчез в дальних столиках и через минуту появился с двумя пьяными страхолюдями. У одной не хватало передних зубов. Вадик от души пожелал ей достаться этому сияющему в веках кретины.

Потом они вылезли наружу, зашли в «Центральный», где набрали две сумки вина, и пошли к Вадику домой по теплomu вечернему асфальту.

– А где твоя баба? – спросила одна из подруг, усаживаясь на его подоконник у настезь открытого окна.

– Мне нельзя, у меня курсовая, – сказал хмуро Вадик.

– Диссертация, – подсказал Моталкин.

– Диплом, – уточнил Бутылкин.

За окном стоял прекрасный, теплый летний вечер. «Что я тут делаю? – думал он. – И что тут де-

Он знал за собой это умение – оказываться в ложный момент в ненужном месте. Главное, и это самое ужасное, он чувствовал, что почти все, что он делает, ненужно.

лают эти кретины?» Он налил себе вина. Было очень плохо.

Он часто задавал себе такие вопросы. Он знал за собой это умение – оказываться в ложный момент в ненужном месте. Главное, и это самое ужасное, он чувствовал, что почти все, что он делает, ненужно. Эти походы в «Яму», эти разглагольствования по душам, эти сопли вокруг диплома, эти дурацкие экзамены, дурацкая работа в дурацкой газете... Потому что всегда кончалось тем, что кто-то старался его использовать. «Нам с вами нужна только пятерка!» Это ей нужна только пятерка, чтобы заработать на нем лишнюю сотню. Пачка сигарет, ха-ха. А ему, может, и не нужна пятерка! Ему бы спрятаться в какую-нибудь «болдинскую осень» или, допустим, лето, в какую-нибудь дыру, наедине со своими мыслями, где бы ни одна сволоочь не могла бы его найти и назначить церемониймейстером. Или совестью курса. Или символом эпохи. Однако тиранические узы общества безжалостно затягивают его в свои глупые и ненужные манипуляции, заставляя дрыгаться, как марионетку, в чьих-то гнусных целях.

Он налил еще вина.

– Я что-то не пойму, – сказала одна из подруг, – что тут делает этот мудила?

– Эй, Таракашка, – сказала другая, – тебе к мамочке не пора?

Он допил вино.

– Не называй меня Таракашкой, – сказал он. – И сороконожкой не называй, и козявкой...

– Вадюн, ты чего? – Моталкин сзади обнял его за плечи.

Вадик обернулся и залепил ему в глаз со всей силы. Тот упал на кровать. «Удачно я вспомнил про сороконожку, – подумал Вадик. – Поймал-таки на

слове». В душе было не то чтобы ликование, но чувство глубокого удовлетворения, словно от сознания исполненного долга... перед кем? Надо будет обдумать.

– Ах ты, фашист недобитый, – сказала та, что обозвала его таракашкой, и швырнула в него бутылкой.

Он снял со стены полку с посудой и бросил сразу в обеих. Потом выдвинул стол, перевернул на попа и адресовал его сразу всем. Потом попытался выкинуть обеих девок из окна. Тут, правда Фортуна ему изменила: в ближнем бою дамы, прошедшие суровую выучку в «Яме», всыпали ему по первое число – таскали его за волосы и пинали, как футбол, по всей комнате. Все-таки чувство правоты, двигавшее им, победило, и он загнал всех под кровать.

Последнее, что он помнил, – то, как подобрал дипломат, пожелал всем приятно провести вечер и вышел на лестничную площадку, где вежливо поздоровался с группой милиционеров, мчавшихся снизу...

Он пришел в себя оттого, что кто-то бубнил невдалеке: «...Деградация функциональных свойств и бесплодию культур рекомендуется успешно противодействовать путем многократных манипуляций...»

Страшная догадка вспышкой пронзила его затуманенный мозг: он на кафедре, и ему сейчас выступать!

Его слегка озадачило, как это он умудрился из своей дворницкой квартиры со шлюхами очутиться сразу на кафедре. Он поспешил поправить галстук, но почему-то не сумел выполнить этого простого движения и разлепил глаза. Он обнаружил себя лежащим на железной койке с привязанными к раме руками, и к тому же в одних трусах. А вспышкой оказалась яркая желтая лампа, светившая прямо в глаза. С хрустом повернув шею, Вадик увидел ряды коек, на которых в трагических позах валялись раздетые тела. Все это смахивало не на кафедру, а на морг.

«Но мертвецов не привязывают к койкам!» – решил он и завпил. Открылась дверь, и возник довольный мордovorот в милицейской фуражке. «Нет, не кафедра», – понял Вадик. Он сказал:

– Начальник, пусти в сортир!

– Драться больше не будешь? – спросил мордovorот и развязал ремни.

По дороге к «очку» в его голове выстроилась версия: мирная встреча с милицией была просто бредом, в реальности все было намного хуже. Мент,

ожидавший за спиной, проводил его к стойке, за которой сидели майор и медсестра.

– Гражданин Тараканов? – просопел майор. – Получите вещи и уплатите за сервис.

Ему передали одежду, документы, деньги. Мордovorot-дежурный последними протянул дипломат и обе дипломные работы с глубокомысленным замечанием:

– Недурно, гражданин Тараканов... Ваша вещичка про шизиков и психов мне больше понравилась, чем сочинение гражданина Мухрышкина. Вместе пили?

– Рад, что вы остались довольны, – буркнул Вадик.

Он вдруг представил, как сержант с медсестрой всю ночь напролет зачитывались его дипломом, подобно Григоровичу с Некрасовым, когда те, обливаясь слезами, читали друг другу первый шедевр Достоевского, а потом помчались лобызаться, как жетса, к Тургеневу...

– Побольше б нам таких интеллигентных клиентов, – сказала медсестра. – Если б еще вел себя приличней...

– Где тут ближайшая станция метро? – спросил Вадик.

– Ну, брат, чего нет, того нет, – развел руками майор.

– Ты где ж ты думаешь ты есть? – спросил сержант. – Ты есть в Загорске.

Так. Версия меняется. Значит, он все-таки попал на электричку, но проехал свою станцию.

Он взглянул в зеркало. Бросались в глаза глубокие красные царапины по всей правой щеке – следы когтей гарпий. Пересчитал деньги, оставшиеся от уплаты штрафа. Хватит на электричку и на цветы Муре Аполлоновне. Дудки, цветы он подарит Ольге: будет хороший повод объясниться напоследок. Сегодня или никогда...

– Заходите, всегда рады обслужить! – сострила медсестра вдогонку.

«И так всегда, – мрачно размышлял Вадик, прижавшись лбом к грязному стеклу электрички. – С адскими усилиями пробиваешься в университет, надеешься обрести там собратьев по разуму – вместо этого пять лет качаешь права с подонками и кретинами. Посвящаешь любимой женщине лучшие порывы души – и видишь только ограниченность и непонимание. Пытаешься, наконец, красиво вылезти из этого дерьма, рожаетса с муками нечто фундаментальное, достойное... твоего высокого предназначения... Чтобы, оценив твой труд, все поняли наконец, с кем имели дело... И попадаешь в вытрезвитель. И вместо радости и чувства полета жизнь приносит только страдания и боль...»

Именно боль. Страшную головную боль, и мутит к тому же.

– Я жду вас с нетерпением уже пятьдесят минут, – говорил профессор Оловянный, раздраженно пощипывая бородку. – Защита начинается через десять минут. Что вы имеете мне сообщить?

Кошмар, подумал Вадик: он забыл придумать отмазку!

– Случилась большая неприятность, – он сделал удрученный вид. – Вчера ночью мне внезапно пришлось уехать в Загорск.

– Странная причуда накануне защиты.

– ...К знакомой медсестре. У нее большая неприятность... она попала в вытрезвитель.

– И расцарапала вам лицо...

– Да... то есть нет, лицо мне расцарапали только что, в электричке. Но, видно, внесли инфекцию, у меня поднялась температура, и я всю ночь не сомкнул глаз...

– Ухаживая за пьяной медсестрой, которая попала в вытрезвитель...

– Да.

Чтоб ты сдох, подумал он.

– Где ваш диплом? – спросил профессор. – Да не наклоняйтесь так близко, фу...

Кошмар, подумал Вадик: он выдает себя с головой!

– Видите ли, – удрученно продолжал он. – Дело в том, что второй экземпляр у меня не вполне готов...

– К черту второй экземпляр, давайте первый! – взорвался Оловянный.

Вадик грустно посмотрел себе под ноги.

– Э-э. Видите ли, дело в том, что и первый... он тоже не вполне...

Ему показалось, что Оловянный вот-вот сделает что-нибудь страшное со своей бородой. Пока тот готовился произнести нечто уничтожительное, он опередил:

– Но диплом в порядке, не переживайте, нужно только пронумеровать страницы, скрепить листы, внести исправления... и бог с ним, с титулом...

Профессор с минуту сверлил его взглядом. Потом сказал:

– У вас пять минут. Делайте что хотите.

Спускаясь по лестнице в библиотеку, где можно было спокойно поработать, Вадик решил, что не будет вносить никаких исправлений. А если придется, то заявит, что не согласен с ними. В конце концов, это право автора.

Связать страницы ленточкой оказалось не таким простым делом. Листы, специально купленные им вместе с обложкой для дипломной работы, кроме ленточки, были снабжены также дырочками для последней. Но в его работу входило еще объемистое приложение с выдержками из первоисточников и комментариями, а также длинная библиография: все это было напечатано заранее, на другой бумаге, и, соответственно, без дырочек. Теперь, перед самой защитой, он столкнулся с необходимостью продырявить около сорока страниц текста.

Для начала он воспользовался дыроколом. Но через несколько страниц убедился, что дырокол вместо положенных трех дырочек на полях делает только две. Он стал дублировать удар дырокола на каждой странице, но теперь дырочек становилось четыре, и он начал в них путаться. Наконец, он догадался класть бумагу под углом, на один «зуб» дырокола, и теперь получалось три дырочки, но, закончив работу и сравнив с другими листами, он нашел, что расстояние между дырочками его производства и, так сказать, заводскими не совсем одинаково. Почти, но не совсем.

Тогда он взял ножницы и проковырял отверстия, сделав их пошире. Тем не менее ленточка не хотела продеваться сквозь стопку из ста двадцати страниц, и ему пришлось нанизывать страницы по отдельности. Дело продвигалось долго и утомительно, и когда он наконец продел ленточку через первую дырочку в стопке, на часах была уже половина первого. «Бог с ним, – подумал он. – Мура еще не пришла, а без нее защита все равно не начнется». Он принялся за следующую дырочку, но не дойдя и до половины, чуть не разрыдался от злости и отчаяния: протертый конец ленточки незаметно покинул первую дырочку. Его это просто подкосило.

Он схватил ножницы, насадил на острие конец ленточки и одним ударом вогнал острие вместе с ленточкой во вторую дырочку посередине края страницы. Ленточка прошла, но дырочка от этого значительно увеличилась в размерах, став попросту дырой. Он понял, что дальнейшее прободение дырочек и продевание в них ленточки несовместимо с его сегодняшними планами по защите диплома, и остановился на достигнутом. Он туго связал стопку лентой в несколько узелков и увенчал все это изящным бантом.

Оглядев работу, он обнаружил новую напасть: листы разного происхождения (те, что с дырочками, и те, что без дырочек), оказывается, были еще и разного формата. Таким образом, приложения с комментариями предательски выглядывали из-под

основного текста, преждевременно намекая на свое существование. Рука сама потянулась к ножницам. Он аккуратно принялся отрезать лишние края. Руки дрожали от похмелья, волнения и спешки. Получилось, в общем, не так худо, как он ожидал, не считая того, что ножницы кое-где залезли в текст.

Он полюбовался творением рук своих. С искромсанными краями, с листами, сбившимися веером и болтающимися на ленточке в дыре с трехкопеечную монету, его диплом походил больше на вилочку капусты. «Вот ваше лицо, гражданин Тараканов, – подумал он. – Ничего общего с лицом коллеги Мухрышкина».

Решив, что дальнейшие украшения излишни, он схватил диплом и выбежал из библиотеки. И столкнулся в дверях с Костей Доилкиным.

Костик был дворник и его сосед по дворничьей квартире. Война с ленточками и дырочками вконец измотала Вадика, и он с облегчением взял таймаут, чтобы выслушать взволнованный Костин рассказ о вчерашнем происшествии в их доме.

Оказалось, прошедшей ночью вся дворничья колония была поднята на ноги страшным грохотом и нечеловеческими криками, которых еще не знал даже этот выдавший виды дом. Однако милицию вызвали не дворники, а жильцы из дома напротив. Того самого, мемориальные доски которого напыщенно оповещали всех прохожих, что всевозможные шишки и бонзы жили, живы и еще долго будут жить в этом номенклатурном заповеднике. Скромное веселье простых дворников, донесшееся через улицу, видимо, вызвало там приступ классовой ненависти. Примчавшийся наряд милиции арестовал обе парочки в таракановской квартире, а старший группы пообещал «разогнать этот гадюшник вместе со всеми говночистами» и заодно дать по шапке начальнику ДЭЗа. Настоящий фурор среди публики вызвало появление одного из арестованных с перекошенной от лиловой опухоли физиономией – его и признали зачинщиком безобразий... Тот еще кричал на весь подъезд: «Я тут ни при чем, ни при чем!»

«Как же, ни при чем, – злорадно подумал Вадик. – А кто на лекциях всегда нашептывал ей на ушко... небось, всякие гадости».

Из всего рассказанного Вадик извлек две вещи: что, во-первых, Моталкин не попал сегодня в МИД на собеседование, а во-вторых, что ему, Вадике, не следует встречаться с начальником ДЭЗа больше никогда в жизни...

Оставалось еще одно важное дело. У знакомой девчонки он попросил духи и ментоловые таблетки. – Есть еще мятная резинка, – ответила она.

Он вылил на голову полфлакона духов и задохнулся в рот пригоршню таблеток и жевательных резинок. Потом приложив ко рту ладонь лодочкой, выдохнул и тут же втянул носом. Вроде не пахнет. Так, может, слабый запах. Надо дышать в сторону. Был час ровно, когда он прибежал на кафедру. В последний момент вспомнил, что не пронумеровал страницы, но было поздно.

Оловянный его не узнал.

– Что это? – недоуменно уставился он на протянутый ему «капустный кочан». Потом скривился: – Ах, это вы... Ваша защита снята. Где вы были целый час?

Вадик принялся объяснять, но сзади зашикали: какая-то девица у стола начала свою защиту. Председатель комиссии громко попросила удалиться посторонних.

Он растерянно вышел за дверь и похолодел: по коридору торпедой летела Мура Аполлоновна Свирипеева, размахивая сумочкой и цветами. Настроение у нее было праздничное и приподнятое.

– Ну, как наши дела? – радостно окликнула она его.

– Посмотрите только, чего они там отчебучивают, – сварливо ответил Вадик. – Просто бардак какой-то!..

Она грозно отодвинула его плечом и вошла на кафедру.

Через минуту вернулась чернее тучи. Вадик со страхом подумал, что настал момент отведать тяжесть ее кулака.

– Будьте добры ответить мне на несколько вопросов, молодой человек, – зловеще начала она. – Почему вчера вечером я так и не дождалась вашего звонка с докладом о проделанной работе? Это во-первых... Не вертите головой, смотрите мне в глаза! Во-вторых, почему вы не изволили явиться в одиннадцать ноль-ноль к оппоненту, заставив ждать уважаемого профессора пятьдесят минут? Не смейте отворачиваться, я вам говорю! В-третьих, почему вы не внесли мои исправления в дипломную работу, в-четвертых, почему ваша дипломная работа в таком вызывающе свинском виде, в-пятых, почему вы сами в таком вызывающе свинском виде?! Да перестаньте вертеться, перестаньте надувать щеки и выпучивать так глаза! И наконец, в-шестых, почему от вас за версту несет, как из пивной бочки?!

Вадик с шумом выпустил воздух. Он чуть не потерял сознание от долгой задержки дыхания.

– В общем, так... – Мура Аполлоновна с лихорадочным усилием пыталась овладеть собой. – За то,

что вы злоупотребили моим доверием... Унизили, опозорили меня перед комиссией, перед кафедрой, перед всем факультетом... Просто, можно сказать, наплевали в душу! За это я навсегда порываю с вами отношения, слагаю с себя обязанности научного руководителя и... и... Диплом придется защищать осенью.

Свинство, конечно, с ее стороны, подумал он. Планы на лето и осень летят коту под хвост. Да и на работу не возьмут без диплома.

Дверь кафедры открылась, и в коридор вышла председатель комиссии – невзрачная очкастая женщина с нервным лицом. («Истеричка», – отметил Вадик.)

– Мура Аполлоновна, что же вы не сказали, что это ваш студент? – спросила она. – Мы все уладили, через пять минут ваша защита.

– Благодарю, мы сегодня себя неважно чувствуем и переносим защиту на осень, – холодно возразила Свирипеева.

– Да, но... Мура, комиссия уже смирилась, и оппонента уговорили... Может, разделаемся по-быстрому с этой историей?

– Ни в коем случае! Я твердо обещала этому молодому человеку... с этой бесстыжей, наглой физиономией, что он диплома не увидит, как своих ушей. И вообще, мне на него глубоко наплевать!

– Начинаем обсуждение дипломной работы выпускника Тараканова Вадима Васильевича на тему... – монотонно объявила председатель комиссии, – на тему...

Она суетливо сняла очки и уткнулась носом прямо в стол.

– ...На тему «Непримиримая критика бытового идиотизма и других форм мозговых патологий».

Вадик поправил галстук, придавил рукой торчащие в разные стороны вихры и встал. После всей этой нервозности, сегодняшней и особенно вчерашней, он чувствовал себя в предобморочном состоянии. Дрожали руки и ноги, слегка покачивало и сильно поташнивало. «Собери волю в кулак! – сказал он себе. – Не упусти свой звездный час». Он гордо задрал вверх белое, как бумага, лицо, направил на присутствующих свой тусклый и слезящийся взгляд и патетически произнес:

– Глубокоуважаемая комиссия! На тернистом пути непрерывного строительства новой жизни перед нашим обществом встают злокозненные преграды политического, экономического, идеологического и просто патологического характера. Благодарным задачам перевоплощения в правовое го-

сударство, проникновения в мировое сообщество и популяризации общечеловеческих ценностей сильно мешают распространенные в обществе гнусность, подлость, скотство и тупость. Что вредно сказывается на продвижении наших реформ. Однако проведенное мною фундаментальное исследование неопровержимо доказало, что все вышеперечисленные проблемы суть бытовые проявления скрытых форм идиотизма, а также некоторых психических дефектов, усвоенных населением в результате длительного и бездарного манипулирования ложными идеями, имевшими хождение на территории данного государства.

Предметом моего исследования явились жизнедеятельные индивиды, взятые в их конкретной, естественной среде, так сказать, в родной стихии. Таковыми оказались: переходы метро, очереди за винно-водочными изделиями, э-э... вытрезвители, редакции газет и высшие учебные заведения, например, то, в котором мы с вами сейчас находимся. Какая же картина предстает нашим глазам?

Пример первый. Задумывались ли присутствующие, часто посещающие метрополитен, отчего это эскалаторы всегда отключают на ремонт именно в часы пик? Или отчего в эти же часы на самом многолюдном выходе закрытыми оказываются все двери, кроме одной, самой паршивой и захудалой? Или если даже рядом по недоразумению открылся другой выход, наблюдаемые субъекты, как бараны, ломятся в самый неудобный проход, давя, топча и опрокидывая конкурентов, словно пытаются друг другу этим что-то доказать. И это вместо того, чтобы свободно самоорганизоваться в людском потоке, рационально вычислить каждому оптимальную траекторию согласно положению своего тела относительно окружающих, согласно своей комплекции, наклонностям, темпераменту и нравственным принципам! Также никому не придет в голову с достоинством призвать сотрудников метрополитена к надлежащему исполнению их обязанностей. При этом на месте дежурного по эскалатору непременно окажется какой-нибудь кретин, который с занудством заезженной пластинки уговаривает взрослых не ругаться матом и крепче держать за руку грудных младенцев, вместо того чтобы включить дополнительный эскалатор. Почему никто из участников движения не попросит его хотя бы заткнуть патефон, чтоб не так тошно было? Перед нами характерный пример господства в умах ложных идей, а также моральной неопрятности и душевной лени.

Пример второй: очереди за вином. Почему субъекты, объединенные общей идеей, стоят в ожидании

по несколько часов, однако у цели всегда оказываются совершенно посторонние лица, не имеющие ничего общего с упомянутой социальной группой? Если же на другой день данная группа дает клятву дать отпор нарушителям общественного договора и предпринимает для этого необходимые маневры, в результате опять у цели возникают те же самые лица. Тогда правительство издает специальное постановление, проникающее во все клетки и ячейки общества, силы порядка проводят надлежащие мероприятия, передовая общественность выражает солидарность и шлет всем привет – но опять мы видим у прилавка все те же лица! И так во всем: какие бы цели ни ставило перед собой общество, какие бы лозунги ни трепетали рядом с символами государства – на раздаче всегда будут одни и те же рожи!

Живость нарисованных картин окончательно увлекла его воображение. Он уже обращался не к нескольким слушателям в маленькой душевной комнатке, а как бы ко всему многомиллионному, страдающему в заблуждениях народу, упоенно внимавшему своему пророку. Он нашарил рукой графин с водой, но стакана не оказалось: то ли забыли поставить, то ли свистнул предыдущий оратор.

– К сожалению, – продолжал он, – те же примеры иррационального, хаотического мышления мы наблюдаем и на более высоком общественном уровне. Кто сегодня громче всех призывает со всех трибун к переменам? Кто нынче разрабатывает и преподает в вузах теорию и практику нового мышления? Ответ: те же, кто сделал карьеру, воспевая старые бредни. Но не это привлекает внимание социального психолога (или, если будет угодно, психосоциолога) – эти типы всегда будут на раздаче в первых рядах. Удивляет то, что никого это не удивляет! Будто так и надо. Зато сколько нынче находится субъектов, странно молчаливых в так называемые застойные времена, которые как бы в компенсацию за прежнюю апатию и в целях демонстрации живости своего темперамента теперь становятся аполлетами решительных мер и резких поступков. Именно с их легкой руки сегодня льется кровь там, где можно было бы свободно самоорганизоваться и вычислить оптимальную траекторию для всех и все такое. Таким образом, мы наблюдаем удручающее зрелище всеобщего отупения и озверения.

Спешу упредить модный тезис о том, что, мол, до таких напастей нас довела Система, или же темные, зловещие силы, за долгие десятилетия договорившиеся между собой истребить все доброе и светлое

на нашей земле. Но замечу, что Система не прилетела к нам с чужой планеты, а была вскормлена и взлелеяна в родном, что называется, коллективе. Это косвенно подтверждает и тот факт, что самые мерзкие и гнусные преступления были совершены поколениями, которые родились и воспитывались в столь ностальгически вспоминаемые нами времена, в дореволюционный «золотой век». Наконец, идея внешних сил отмечается примерами из низшей социальной практики, где темные силы у всех на глазах, никого не стесняясь, вылезают из душевных глубин каждого отдельного индивида. В самом деле, о чем рассуждать, если одна часть общества не научилась по-человечески пользоваться метрополитеном, а другая – по-человечески там работать?

Перехожу к выводам. Проведенное исследование позволило сделать замечательное открытие: повседневные реакции рядовых индивидов абсолютно идентичны реакциям лиц с болезненными отклонениями нервной системы и психики, а также реакциям подростков в их юношеский переходный возраст. Таким образом, на месте привычных и знакомых лиц просвещенных сограждан мы лицезрим разноцветный парад неврастеников, шизофреников, психопатов, истериков, параноиков и маньяков – лиц, еще не научившихся управлять своими разрушительными и инфантильными влечениями. В такой ситуации со стороны мирового сообщества лучшим жестом доброй воли стала бы не отправка гуманитарной похлебки, а приезд армии психоаналитиков...

Не в силах более терпеть жажду, он схватил графин за горлышко и с громким бульканьем отхлебнул глоток.

– Такова вкратце суть моих изысканий. Подробное описание психологических типов и возможные меры по их исцелению даны в дипломной работе, представленной на ваш высокий суд.

Вдруг он заметил, что его не слушают. Председатель комиссии о чем-то спорила с Мурой, остальные члены, уставшие за день, собирали вещи, а оппонент откровенно клевал носом. Когда речь оборвалась, председатель, оглушенная тишиной, засуетилась:

– Так, все... Слово предоставляется оппоненту. Рэм Григорьевич?

Оловянный встрепенулся, словно хотел спросить: «Где я?», и подавил непрошенный зевок. Потом с отвращением взглянул на Вадика.

– Гм... С большим интересом ознакомился я с дипломной работой... гм, м-да, этого молодого человека. Особо хотелось бы отметить, – Оловянный открыл папку наугад и пробежал глазами страницу, – главу о дебилах. Будьте любезны от-

ветить, на чем основан... м-м, вот, скажем, следующий любопытный пассаж: «...Индивид в стадии начальной дебилности может являться активным членом общества и выполнять социально полезные функции»? Вы в этом уверены?

– Так утверждает наука, – важно ответил Вадик.
– Ага! – вскричал вдруг Оловянный и пришел в необычайное возбуждение. – Значит ли это, что вышеупомянутый индивид может – хотя бы чисто гипотетически! – каким-то чудом пробраться в высшее учебное заведение, окончить его и даже защитить научную работу?! А? Отвечайте, я вас спрашиваю!

– Скажу больше, – ответил Вадик с холодком. – Многие проделывали это на моих глазах. Мало того, подобные индивиды, отучившись, могут даже успешно преподавать, передавая накопленные знания и опыт другим дебилам...

Оловянный скрипнул зубами на всю кафедру, словно хотел перемолоть кого-то в порошок.

– Ах, вот как! Благодарю, у меня больше нет вопросов к уважаемому коллеге. – Он бросил испепеляющий взгляд в адрес коллеги и обернулся к комиссии. – Уважаемая комиссия! Мне остается только поздравить дорогую Муру Аполлоновну с таким замечательным питомцем (уничтожающий взгляд в адрес питомца). Уверен, что ему достанется подобающее место в нашем обществе и мы еще не раз о нем услышим. Что касается защиты, то, признаюсь, я получил незабываемые впечатления от его сегодняшнего выступления. Еще не приходилось мне встречать более усердного и добросовестного студента (убийственный взгляд в сторону студента). Нет сомнения, что этот... (брезгливый жест в ту же сторону) юный оратор достоин самой справедливой оценки, и вы, дорогие коллеги, воздадите ему по заслугам!

Пылая и дрожа от возбуждения, Оловянный уселся на место. Вадик почувствовал на себе тусклые, остекленевшие взгляды членов комиссии. «Сделай последнее усилие, – приказал он себе. – Спектакль еще не окончен».

– Дорогая комиссия, – произнес он срывающимся голосом. – Позвольте поблагодарить вас за исключительное внимание, с которым вы выслушали мое выступление. Также благодарю за конструктивную критику уважаемого оппонента (презрительная мина на лице оппонента).

В последний момент он вспомнил галантно-вициватую фразу, которую приготовил специально для Муры Аполлоновны, что-то вроде «...и неоценимую помощь моего научного консультанта, чьей не-

изменной симпатией и самоотверженным участием я особо имею честь похвалиться». Однако, завершая фразу, его язык подвернулся и вместо «похвалиться» вывел «похмелиться».

– ...Особо имею честь похмелиться.

Он послал театральный жест в сторону Муры, и тут же его хватил паралич. Он замер с протянутой рукой и вытаращенными глазами, поняв, что слишком перенапряг свою волю.

Он вышел за дверь под сдавленные смешки, но когда дверь за ним захлопнулась, члены комиссии дали себе волю.

– Все в порядке? – осведомился один из его предшественников, кучкой поджидавших у двери своей участи. – Что там за крики?

– В мире был, и мир чрез него начал быть, – задумчиво ответил Вадик, – но мир его не познал...

Когда объявляли результаты, пунцовый Оловянный покинул кафедру, хлопнув дверью. Вадика называли последним.

– Тараканов, ха-ха... – сказала председатель комиссии. – Отлично. С натяжкой.

Вадик захотел проявить великодушие и первым сделать шаг к примирению.

– Я же говорил, все будет великолепно. – Он попытался скроить Муре дружелюбную физиономию. Но почему-то вышла гаденькая ухмылка. Он немедленно выбежал с кафедры.

Выйдя во двор, Вадик принял решение выкинуть из головы диплом. Довольно с него разочарований. Здесь его не поймут, пора это признать. Он чувствовал себя опустошенным. В сущности, понял он, не это его гнетет весь день. Весь год, если быть точным. Ольга! Сегодня или никогда, вспомнил он.

Он спустился в метро. Долго выбирал розы. Выбрал самые красные, какие были. Огненно-красные. «Как жар моего сердца», – подумал он цинично. «Удачные я выбрал цветочки», – думал он, подходя к зданию факультета.

...Вот она медленно подходит. Какая-то грустная и посерьезневшая, какой он ее помнит весь прошедший год.

– Я ждал тебя, Ольга... Я ждал тебя целый год, чтобы сказать то, что сейчас собираюсь сказать. Впрочем, нам и не нужно ничего говорить, мы понимаем друг друга без слов. Я много думал все это время... Есть и твоя правота в том, что произошло между нами. Как мужчина, я готов все забыть и простить, чтобы расставанье наше прошло легко и светло. Ты... ты достойна большой и настоящей любви. Прими в ее знак эти прекрасные розы...

Его слова тихи и проникновенны. Она медленно отводит с лица прядь волос – таким знакомым движением... И устремляет на него прямой, открытый взгляд. И говорит:

– Сукин ты сын, Вадик. Будь ты мужик, ты бы год назад пришел ко мне и попросил прощения. Вместо этого ты целый год корчил из себя дурачка, а я – то, как последняя дура, бегала за тобой, подлавливала на лестницах и в курилках, подстраивала «случайные» встречи в буфете и в библиотеке, задевала ненароком сумкой в аудитории, знакомилась с твоими придурковатыми друзьями и знакомила с тобой своих подруг – и в ответ слышала одно гнусное, сопливое, щенячье хамство! И после этого ты набираешься наглости, чтобы молотить этот вздор о любви и прощении! Засунь свои цветы себе в задницу!

Вадик зажмурился и стукнул себя по лбу. Он почти физически пережил этот бред. Ольга права: он вел себя позорно. Засунь себе в задницу...

Но с другой стороны, тут тоже не все просто. Задумывалась ли она, какие мысли его одолевали весь этот год, какая буря хлопотала в его душе? Есть вещи, которые сильнее нас, которые подхватывают, как водоворот, и уносят за собой, словно щепку, возможно, прямо к гибели, засасывают в темный, бездонный омут... души. Да, омут души. Он нашел точный образ.

Сунув букет под мышку, он направился к памятнику в центре сквера. Кивнул знакомым ребятам на скамейке, они развлекали девчонок-младшекурсниц и угощали их сигаретами.

Вадик устроился у памятника в тени, так, чтобы было удобно наблюдать за всеми входящими и выходящими с факультетского двора. Снял пиджак и распустил галстук. Букет на постамент. Тошнота вроде прошла, но голова болела дико.

Он глядел на великую тусовку, происходившую перед его глазами, – на всех этих студюзов, планирующих, околачивающихся, протирающих зады на скамейках и парапетах, жизнерадостных и мизантропствующих, расфуфыренных и зачуханных, распустивших хвост и поджавших его, красивых, самодовольных и убогих, комплексующих, онанирующих, анализирующих и манипулирующих, строящих грандиозные планы на будущее и растоптавших их минувшей ночью, развеявших по ветру и проклявших все навеки, – глядел на эту факультетскую ярмарку тщеславия и вспоминал себя.

Как он мечтал на первом курсе, что будет вот также валяться весной на зеленом газончике, вон как те двое слева от него – она травинкой шеко-

чет ему нос, он ноль внимания, и вдруг хватает ее и валит на спину, она визжит, как зарезанная, хочет... Вон подгребают их приятель, падает рядом, достает книжки...

Но прошли годы, и он понял, что не так это просто – повалиться на газончике, во-первых, чаще всего просто не с кем повалиться, это главное, а потом, чаще всего просто хочется, чтоб тебя зарыли в этот газончик на полтора метра вглубь и холмик сровняли, не оставив ни следа, ни памяти. И вместо студенческих буколик тебя ждут длинные списки очередников в Кашенку, палаты которой, говорят, ломаются от твоих собратьев-однокашников, раньше тебя осознавших сложность жизни, но так и не сумевших в ней разобраться, либо попадаешь в «Яму», глубочайшую яму, из которой тоже непросто выбраться, вернее, ты попадаешь в нее снова и снова, пока тебе не выдают там постоянную прописку и вид на жительство.

– Все не так просто, Олечка, – говорит он, неловко шурша букетом за спиной. – Я все знаю, что ты скажешь, ведь я уже год веду эти дурацкие монологи-диалоги с тобой. И самое трудное – это сказать те единственные правдивые слова, которым поверили бы и ты, и я. Можно сказать – «прости», можно сказать – «я был неправ» (потому что ты была права всегда, потому что ты – женщина, а значит, права изначально, и если у меня что-то не получилось, то не надо тут юлить и винить кого-то, это мои личные проблемы, я знаю), можно также сказать – «давай начнем все сначала» или даже – «я тебя люблю» (нет, лучше не будем бросаться словами), но скажи мне ради бога, как все это сказать, чтобы этому поверили и ты, и я?! Как сбросить шелуху со слов, подобно любовникам, сбрасывающим одежды и остающимся один на один, одни во всем мире, и познающим истинную цену слов – как?! Я не знаю! Не знаю... И все же. Все же...

– Ты спрашиваешь меня, как нам сбросить одежду? – произносит она задумчиво. – А кто тебе сказал, что я ее собираюсь сбросить? Знаешь, я давно уже запуталась в твоих рассуждениях, давай ты мне потом все расскажешь поподробнее, а то меня девчонки ждут.

Она прощается прикосновением руки, складывает губы в улыбочку и уходит. Потом оборачивается, и в ее голосе звучат металлические нотки:

– А цветочки свои... Можешь засунуть их себе в задницу.

Он закрыл глаза. Все его разговоры с ней неизменно кончались тем, что он получал пощечину.

Причем в последнее время не только от нее. Ему все чаще доводилось вступать в мысленные дискуссии с окружающими, и его всерьез тревожило то, что почти каждый спор заканчивался звонкой оплеухой. И он ничего не мог с этим поделать.

Славка говорит, это симптомы шизофрении, а уж он-то спец в этих делах. Прочел всего Фрейдера в «Горьковке», «Судебную психиатрию» Крафт-Эбинга и «Историю проституции» Ивана Блоха. Бедняга, на него это так страшно действовало...

А что, если это комплекс вины? Загадочная природа этого мерзкого чувства всегда волновала Вадика. Похоже, оно возникало из-за трагического разлада между тем идеальным внутренним миром, в котором обитала Вадикова мысль, и окружающей действительностью, словно задавшей целью этот мир скомпрометировать и опаскудить. Все было предельно просто и понятно, пока он сидел одиноко в своей дворницкой каморке за письменным столом. Мелкие и дешевые мотивы знакомых ему людишек представляли перед ним во всей их глупости и подлости, во всей психологической простоте и рентгеновской ясности. Парад неврастеников и шизофреников, х-хе... Он видел их насквозь.

Но все становилось с ног на голову, когда он спускался в этот бранный мир. Спуск почти всегда происходил по одинаковой схеме: для начала, к примеру, надо хорошенько напиться, похерив срочные дела и обязанности, потом набить морду совсем не тому, кому следовало бы, и не за то, за что следовало, после чего можно, допустим, совершить небольшую экскурсию за город... После такой разминки – вернуться и, собрав вместе (чтоб не размениваться по мелочам) в одной комнате отнюдь не самых худших индивидов, вдоволь поиздеваться над всеми и получить за это высший академический балл. Цель достигнута: все в дерьме и тебя ненавидят. Ты же растерянно озираешься по сторонам, в новеньком галстукке, белоснежной рубашке и со свежемержким комплексом...

В такие моменты к видению парада безумцев добавлялся новый штрих: он, собственной персоной, отворачиваясь и заслоняясь от телекамер, смущенно перебирал ногами где-то в задних рядах демонстрантов. Хуже того: внезапно, как по команде, его колонна раздваивалась и резко веером расходилась в стороны, оставляя его одного посреди площади. И теперь вся эта армия ненормальных придурков оказывалась на трибунах, наблюдая, как он в гордом одиночестве топчет брусчатку, мрачно размахивая знаменем цвета детского поноса, и на полотнище золотом вышито всего два слова, два его

любимых эпитета... И все они, похоже, просто наслаждаются этим зрелищем, будто все было заказано и подстроено специально.

Неплохая мысль, приходило иногда ему в голову. Идея всеобщего заговора порой восхищает своей универсальностью. Прежде всего, она сразу многое объясняет. Все его неудачи становятся не такими обидными – если вспомнить, сколько народу напрягалось, чтобы подстроить ему ловушку. Даже страшное фиаско с Ольгой... Ведь она их агент. Ясно, почему ее выбрали. Его любой ценой хотят выбить из колеи, ударить лицом в грязь, заманить в западню, дискредитировать. Зачем? Его боятся. Кое-кому не по душе его острый ум, врожденное чувство справедливости и независимость. У НИХ такие не в почете – ИМ любы угодливые подхалимы, ловкие прощелыги, кретины и подонки...

Вот почему он старался не доверять своему чувству вины (которое, признаться, одолевало его постоянно) – ведь ОНИ только и ждут, чтоб он ослабился, подставил свою ахиллесову пяту. Схема ситуации, если ее упростить, была такова: чем упорнее он отстаивал свою правоту, тем большую ярость и сопротивление это вызывало у НИХ (и тем больше ему приходилось страдать); если же он выходил победителем из очередной стычки с недругами, как сегодня, то все равно получалось не то, что он хотел, потому что страдали теперь другие, – иными словами, если страдал он, то это означало, с одной стороны, что ОНИ опять победили, а с другой – что он все-таки прав; если же страдали другие, а он нет, то это означало, что он неправ, и, следовательно, ОНИ опять победили, и он опять страдал, и это приносило даже некоторое наслаждение... Сложная штука жизнь – придумал как-то он афоризм.

Именно поэтому приступ вины каждый раз сигнализировал об очередной ИХ атаке на него. Именно поэтому он вновь собирал силы и первым мысленно бросался в бой – чтобы не дать ИМ захватить его врасплох, не дать заподозрить о его сомнениях и о его чувстве вины. Именно в этот момент он мысленно и получал по роже.

– Привет, Вадюничек, – услышал он рядом.

Только этого не хватало, подумал он. Опять это чучело.

– У тебя сегодня такой романтичный вид, – сказала Зойка Зябкина своим скрипучим голоском. – Как Чайльд-Гарольд, угрюмый, томный... бледный... поцарапанный... Боже, где тебя кошки драли?

Она хотела провести по его щеке веснушчатой рукой, но раздумала. Так всегда: пыталась компен-

сировать свою страшноту смелым флиртом, но смелости не хватало, и выходило глупо. Неудивительно, что такая крыса никому не нужна. Непонятно другое: отчего это неглупые девчонки всегда такие страшные? Вадик, обычно прятаящийся от нее по всему факультету, сразу вспоминал о ней во время экзаменов. Она его здорово выручала, зубрила. Кстати, она знала о приближении своего часа и за всегда поджидала его возле какой-нибудь аудитории перед экзаменом. Своего повелителя.

– Хочу поехать в воскресенье в Загорск. Говорят, там такой архитектурный ансамбль, представляешь? Может, составишь компанию?

– Только что оттуда, – мрачно ответил Вадик.

– Да ты что? Расскажи! Как ансамбль?

– Ансамбль потрясающий.

И он, и она прекрасно понимали, что на ансамбль ей наплевать – ей важен один-единственный «солист», рядом с которым любой ансамбль будет лишь фоном.

– Знаешь, ты всегда казался мне каким-то... непонятым. – Она присела с ним рядом на постамент. – В твоём лице есть какая-то благородная печаль. И особенно эта бледность придает... такой шарм. Скажи, тебе когда-нибудь бывало грустно?

– Если б ты знала, как мне сегодня хреново, – сказал он. – Особенно когда курят рядом: я со страшного бодуна.

Она выбросила сигарету и встала.

– Хорошо. Я сейчас уйду. Ой, а кому такие цветочки? Хоть бы мне такие подарил кто-нибудь!

– Это Михал Васильевичу. – Он задрал голову и посмотрел на сидящего Ломоносова. – От Вадика Тараканова, благодарного студента...

Тоже, в сущности, несчастное создание, думал Вадик, глядя в ее удаляющуюся спину. Такое же несчастное, как и он сам. Они оба одиноки.

В сущности, все, кого он знал, страшно одиноки, если разобраться. Даже заядлые тусовщики, подзревал он, к пятому курсу впадали в тоску и замкнутость. Ну, кроме тех, кто женился. Да и тем не позавидуешь. Странно, почему так: к пятому курсу?

Вот Славка: его лучший друг. Был. Их тянуло друг к другу с первого курса. Сколько было сказано, сколько выпито вместе. Потом у обоих появились проблемы. С тех пор они не разговаривали. То есть говорили иногда, в минуты редких встреч на факультете, какие-то бессмысленные, незначущие фразы. Несколько раз Вадик заезжал к нему в общагу. Они сидели напротив, словно в аквариумах – каждый в своем. «Ну что, еще накатим?» «Под-

ставляй!». Бум – такая бутылка сквозь аквариум. Бум – стакан из другого. Буль-буль-буль. Накатили, и сидят, в аквариумах.

Вот именно, аквариумы, подумал Вадик, оглядывая факультетский двор. Курят, смеются, травят анекдоты, балдеют на скамеечках, читают на газончиках – и пускают пузыри. Такие ходячие аквариумы.

– Ты, в сущности, славный малый, Вадик, – начала она вдруг сама. Он даже вздрогнул. – Наша всеобщая беда в том, что мы друг друга просто не хотим понять. Прячемся в свои аквариумы, как страусы, боясь соприкоснуться душами. А чего бояться? Я и так вижу тебя насквозь. Никто тебя не поймет лучше, чем я. Мне понятны и твоё хамство, и твоя робость, твоя рефлексия и твоё одиночество, твоя печаль и твоя бледность... Я ведь, в сущности, одинока, как и ты. И когда я балдею на мажорских тусовках среди целой армии своих бойфрендов, и когда угощаюсь коктейлем на приемах, в театрах, на выставках и концертах, а потом шарахаюсь где-то ночью одна... Иногда не одна... А потом занимаюсь в подворотне с ними всеми сексом и насилием... пьяная в стельку, думая о тебе... Все мы одиноки. И все же... все же... Она оглядывает его с головы до ног, вместе с его прекрасными розами, и с садистской улыбкой заканчивает:

– И все же засунь их себе в задницу!

Вадик захлопнул глаза.

Когда он их открыл, то оцепенел: она задумчиво входила во двор через левые ворота.

«Сейчас или никогда!» – вспомнил он.

Может, лучше никогда?..

Нет, сейчас! Сию же минуту.

«Думай скорее, что ты ей скажешь, придурок! Нет, думать поздно».

Он схватил пиджак, цветы, поднял дипломат и рванул с места. Впрочем, «рванул» – это сильно сказано: со стороны могло показаться, что истощенный пытками узник волочит за собой кандалы с гирей по дороге на эшафот. Пройдя пять шагов, он с шумом уронил дипломат, наклонился за ним и выронил цветы. «Соберись, где твоя сила воли?» – приказал он себе.

Главное, не показать, что ты бежишь нарочно к ней. Так, случайная встреча... Она подходит к крыльцу, видит стоящего к ней спиной молодого человека... С благородной бледностью на спине... Она подходит – вдруг он оборачивается. С цветами. Ба, какая встреча...

– Здравствуй, Вадик, – говорит она. – Какие необыкновенные розы! Для кого они?

– Да так. Купил вот, сам не знаю... На, хочешь?

Он не успел услышать ее ответ – надо было срочно выбрать позицию на крыльце, чтобы оказаться к ней спиной. Он повертелся с отсутствующим видом и наконец нашел позу: задом ко всем, лицом к двери. Он стоял перед входной дверью с цветами на уровне груди, будто встречал торжественную процессию, которая вот-вот должна появиться изнутри...

«Какого хрена я тут стою? – вдруг подумал он. – С этим дурацким букетом...»

Вдруг дверь отворилась, и перед ним явилась Мура Аполлоновна Свирипеева с громадной охапкой цветов. Увидев Вадика, она переменялась в лице. На секунду они уставились друг на друга, словно два конкурирующих ходячих цветочных магазина. Потом она возопила:

– И видеть не хочу! И знать не знаю тебя! Не приходи ко мне больше никогда! И цветами своими ты меня не разжалобишь...

С этими словами она вырвала у него букет и метко швырнула в урну. После чего развернулась и зашагала прочь размашистой походкой.

Вадик представил картинку: вот он сбегает легко по ступенькам, догоняет Муру и со всего разбега дает ей здоровенного пинка...

Раздаются аплодисменты. Молодежь вскакивает со скамеечек и стоя рукоплещет. Из окон факультета высовываются студенты, лаборанты, доценты, весь профессорско-преподавательский состав – все аплодируют, свистят и дуют в фанфары. Факультетский двор превращается в стадион, где публика буйно приветствует центрфорварда, забившего красивый гол. Из окна декана высовывается рука с двумя пальцами, в виде «виктории»...

Но тут Мура разворачивается вместе с громадным кулаком, и в следующую секунду кулак описывает зверский замах...

«Не-ет!» – кричит он...

– Привет, Тараканчик! – раздалось за спиной.

Он обернулся и воззрился на Ольгу.

– Как твои дела? – спросила она.

Он продолжал на нее пялиться, потом нагнулся и достал из урны букет. С него стекало мороженое, целлофановая пленка от сигаретной пачки зацепилась за шип и трепыхалась от дуновения эфира. Он попытался отодрать ее, наступив ногой.

– Жалко, такие красивые розы. – Она нарочно долго открывала тяжелую дверь, ожидая ответа. – Что ты будешь с ними делать?

Пленка наконец оторвалась, он постучал букетом о ступеньки, разбрызгивая мороженое.

– Тебе подарю, – решил он вдруг состроить. Он думал, получится страшно смешно.

Она терпеливо вздохнула.

– Спасибо. Засунь их лучше...

Он зажмурился.

– ..Откуда достал.

«Пош-шла ты, дура!!!» – мысленно заорал он ей вслед. Дверь захлопнулась.

Он оглядел двор. «Ненавижу вас всех», – подумал он. Потом развернулся и со всей силы метнул букет обратно в урну.

Промазал.

Стараясь держать себя в руках, поднял букет, отошел на три шага и с еще большей злобой швырнул.

Опять промазал.

Теперь цветы рассыпались. Он с видимым хладнокровием аккуратно собрал их, снова отступил, прицелился и запустил в цель.

Там.

Оглянувшись, он увидел, как три девушки, курившие у крыльца, с напряженным любопытством следили за его многократными манипуляциями.

«Интересно, что они обо мне думают? Бледный молодой человек с благородной печалью на лице упражняется в метании букета в урну...»

Он сошел со ступенек и сел на скамейку. Господи, думал он, долго ли это будет продолжаться? Долго ли они будут издеваться надо мной? Вот они посмеются, когда обнаружат его повешенный труп в его дворницкой квартире...

Притихнув, один за другим, они заходят в его квартирку. Он висит посреди комнаты, равнодушно покачиваясь из стороны в сторону. Все смотрят с широко раскрытыми глазами на его до блеска начищенные ботинки. На кровати лежит розовый букет.

Неожиданно слово берет Кукушкин.

– Друзья! Мы собрались здесь, чтобы полюбоваться на труп нашего товарища, Вадика Тараканова, которого мы все вместе вогнали в гроб. Только в такие тяжелые минуты понимаешь, на что способны наши черствость и бездушие, каких людей мы теряем по вине своей душевной подлости. Нет, он не нуждался в нашей жалости или сочувствии! Ему требовалась только крупица... Откровенно, я и сам не пойму, чего ему было нужно. Его вообще было нелегко понять. Это был еще тот тип... Я хочу сказать, что он был большой оригинал. Как удивительны были его суждения, как сочен был его юмор! А какие номера он порой откалывал... Он и умер, как жил, подшутив

над нами всеми напоследок. Спасибо тебе, Вадик, за эту последнюю шутку – нам всем будет легче идти с ней по жизни... до самой смерти!.. ха-ха... ха-ха-ха-ха...

Квартиру вдруг сотрясают раскаты молодого, здорового хохота. Смеются все. Держится за животик Кукушкин. Надрываются и угорают Моталкин и Бутылкин, они просто повисли друг на друге. Тарахтит, как пулемет, Славка, обняв любимого Фрейда. Рыдает от смеха Свирипеева с охапкой цветов. Хлопает себя по коленке Оловянный. Устало качая головой, усмехается Оленька... Даже ноги покойника подозрительно вздрагивают. Хлопает шампанское...

«Как вы меня достали все!» – стонал Вадик, покидая опустевший двор факультета. Сегодня он ненавидел их всей душой, сильнее обычного – за то, что вынуждали его чувствовать себя подонком и кретином, за то, что ежеминутно подвергали испытаниям его силу воли, за то, что заставляли на каждом шагу выполнять многократные манипуляции...

Как вы меня достали! Он отбил ногой пачку «Кэмела».

Оставьте меня в покое!!!

Москва, 1993 год

